ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ / GENERAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
https://doi.org/10.11621/KPJ-26-01
УДК/UDC 159.99; 159.9.075

Специфика жизненной стратегии участников военных действий (на примере партизан БАССР в период Великой Отечественной войны)

И.Ф. Нурмухаметова ✉

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

✉ if44@bk.ru

Резюме

Актуальность. В свете событий последних лет особое место в психологической науке и практике начинают занимать вопросы жизненной стратегии личности в экстремальных условиях. Великая Отечественная война, особенно опыт партизанского движения, выступает ярким историческим примером, демонстрирующим, как именно личность способна выстраивать траекторию своего жизненного пути в ситуации масштабных испытаний и постоянного риска. Теоретическая актуальность обусловлена необходимостью операционализации понятия «жизненная стратегия» применительно к контексту партизанской борьбы, где традиционные модели планирования и целеполагания трансформировались под влиянием факторов смертельной опасности, сплоченности малой группы и идеологической мотивации. Анализ жизненной стратегии личности в этом смысле позволяет верифицировать и уточнить существующие теоретические модели поведения. Вместе с тем изучение прошлого опыта, как и примеров стойкости, героизма, не только помогает сохранять историческую память и национальную идентичность, но также является важным элементом патриотического воспитания молодежи в контексте современных вызовов.

Цель. Изучить психологические особенности жизненной стратегии лиц, участвовавших в военных действиях (на примере жизнедеятельности партизан в период Великой Отечественной войны).

Выборка. В исследовании были изучены 275 личных дела партизан БАССР в возрасте от 18 до 40 лет.

Методы. Исследование выполнено на базе теоретического, биографического и исторического методов (изучение архивных материалов, официальных документов; анализ дневников, воспоминаний). Для обработки количественных данных использовались сравнительный и корреляционный анализы, F-критерий Фишера, r-критерий Спирмена. Для качественного и количественного анализа различных параметров жизненной стратегии личности партизан был применен контент-анализ.

Результаты. Изучены психологические особенности жизненной стратегии партизан БАССР. Частично обнаружены различия в представленности интегральных параметров жизненной стратегии в содержательном аспекте среди партизан —

© Нурмухаметова, И.Ф., 2026

участников боевых действий с учетом их возраста. При этом выявлены статистически значимые связи между показателями жизненной стратегии личности партизан с учетом возрастной специфики бойцов.
Выводы. Жизненные стратегии партизан в БАССР были пронизаны глубокой смысловой и ценностной основой. Борцы против фашизма проявляли ярко выраженное осознание жизненной цели, тесно связанное с идеалами свободы и справедливости. Их ценностные установки включали коллективизм, патриотизм и гуманизм, что придавало ясность их действиям и поддерживало моральный дух. Эти принципы влияли на мотивацию бойцов, придавая борьбе дополнительный смысл даже в самых трудных испытаниях. Партизаны демонстрировали высокую устойчивость к экстремальным условиям: их стратегии включали механизмы адаптации для преодоления трудностей и поддержания психологической стойкости, что позволяло им сохранять внутреннее равновесие и эффективно действовать в критических ситуациях.

Ключевые слова: жизненная стратегия, личность, партизаны БАССР, Великая Отечественная война, психология личности, военная психология

Для цитирования: Нурмухаметова, И.Ф. (2026). Специфика жизненной стратегии участников военных действий (на примере партизан БАССР в период Великой Отечественной войны). *Казанский педагогический журнал, 32*(1), 9–33. https://doi.org/10.11621/KPJ-26-01

Specifics of the Life Strategies of Combat Participants (as Illustrated by the Guerrilla Fighters of the BASSR during the Great Patriotic War)

Irina F. Nurmukhametova ✉

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉ if44@bk.ru

Abstract
Background. In the light of recent events, questions about an individual's life strategy in extreme conditions have become of a special interest in psychological science and practice. The Great Patriotic War, especially the experience of the partisan movement, provides a vivid historical example of how a person can shape the trajectory of their life amid large-scale trials and constant risk. The theoretical relevance of the study stems from the need to operationalize the concept of "life strategy" in the context of guerrilla warfare, where traditional models of planning and goal-setting were transformed by factors such as mortal danger, small-group cohesion, and ideological motivation. Analyzing an individual's life strategy in this context allows for the verification and refinement of existing theoretical models of behaviour. Moreover, studying past experiences, along with examples of resilience and heroism, not only helps preserve historical memory and national identity but also serves as an important element of patriotic education for young people in the face of contemporary challenges.

© Nurmukhametova, I.F., 2026

Objective. The aim is to study the psychological characteristics of the life strategies of individuals who participated in military actions (using the example of partisans' activities during the Great Patriotic War).
Study Participants. In this research, we studied 275 personal profiles of BASSR partisans aged from 18 to 40 years old.
Methods. The study was conducted using theoretical, biographical, and historical methods (archival materials review, official documents analysis; diary and memoir studies). For quantitative data processing, comparative and correlation analyses along with Fisher's F-criterion and Spearman's rank correlation coefficient were used. Content analysis was applied for qualitative and quantitative examination of various parameters characterizing the life strategies of partisans.
Results. We examined the psychological features of the life strategies employed by BASSR guerrilla fighters. Some differences in the representation of integral parameters of life strategies among combat participants depending on their age group were found. Statistically significant relationships between indicators of the partisans' life strategies and their age-specific characteristics were identified.
Conclusions. Life strategies of BASSR partisans were deeply rooted in meaningful values. Anti-fascist fighters demonstrated a clear sense of purpose closely linked to ideals of freedom and justice. Their value systems included collectivism, patriotism, and humanism, which provided clarity to their actions and sustained morale. These principles influenced motivation, giving additional meaning even under the most difficult circumstances. Partisans showed high resistance to extreme conditions: their strategies incorporated adaptive mechanisms that helped overcome difficulties while maintaining psychological stability, enabling them to act efficiently in critical situations.

Keywords: Life Strategy, personality, BASSR partisans, Great Patriotic War, Personality psychology, military psychology

For citation: Nurmukhametova, I.F. (2026). Specifics of the life strategies of combat participants (as illustrated by the guerrilla fighters of the BASSR during the Great Patriotic War). *Kazan Pedagogical Journal, 32*(1), 9–33. https://doi.org/10.11621/KPJ-26-01

Введение

Вопросы жизненной стратегии личности, в частности военного, привлекают на сегодняшний день пристальное внимание большинства ученых ввиду своей многогранности и практической значимости. С одной стороны, воинская служба оказывает значительное влияние на формирование «внутреннего стержня» личности, ее социальных ролей, восприятия себя и окружающих, способов разрешения конфликтов и поддержания дисциплины для самореализации в будущем. С другой стороны, исследование ключевых характеристик жизненной стратегии позволяет формировать эффективную политику военно-патриотического воспитания молодежи, поддерживать высокий уровень готовности молодых людей защищать свою Родину. Особую актуальность это приобретает в контексте

современной геополитической ситуации. Ряд западных стран пытаются переписать историю, принижая значение и ставя под сомнение сам факт Великой Отечественной войны, что угрожает национальной безопасности и сохранению исторической памяти России. К сожалению, такого рода процессы набирают обороты, в том числе и в информационном пространстве самой Российской Федерации. Деятельность некоторых СМИ, нацеленная на формирование негативного образа современной России как на международной арене, так и внутри страны, приводит к опасным смысловым подменам: образ освободителя дискредитируется ярлыком «оккупанта», а причастные к человеческим жертвам представители радикальных течений героизируются.

Вместе с тем как государство, так и общественность испытывают потребность в создании того социально-психологического портрета фронтовика Великой Отечественной войны, который мог бы детализировать облик фронтового поколения, в том числе и партизан событий 1941–1945 гг., расширить целостную картину Великой Отечественной войны, тем самым формируя устойчивую идентичность и повышая уровень патриотического, гражданского самосознания среди молодежи. Несомненно, ключевую роль в этом случае играет беспристрастное обращение к историческим фактам и документам, введение которых в оборот приблизит к объективной оценке минувших событий. Однако исследования на стыке психологии и истории, способствующие сущностному познанию жизненной стратегии личности военного через анализ продуктов его речевой и текстовой деятельности, представлены фрагментарно, тем самым давая возможность современному ученому приблизиться к пониманию эмоциональных и психологических переживаний личности в условиях военных действий.

Теоретическое обоснование

Стоит признать, что в современной психологической науке в целом предметное понимание жизненной стратегии личности «сталкивается» с некоторой разноплановостью в терминологическом аспекте и характеризуется значительным разнообразием в содержательном смысле. Так, анализируя научную литературу как за рубежом, так и в отечественной психологии, посвященную данному вопросу, наряду с дефиницией «жизненная стратегия» достаточно часто можно обнаружить такие психологические конструкты, как «временная перспектива» (Stolarski et al., 2018; Levasseur et al., 2020), «образ жизни» (Brivio et al., 2023), «стиль жизни» (Allport, 1961; Rokeach, 1973; Schutz et al., 1979; Cockerham et al., 2020), «жизненный сценарий» (Альперович, 2024; Штайнер, 2025), «культурный жизненный сценарий» (Рикель, Дорохов, 2023), «жизненная модель» (Москвичева и др., 2019; Gibson et al., 2009), «варианты жизни» (Дружинин, 2010). Такая концептуальная неоднозначность и отсутствие единой устоявшейся терминологической базы создают определенные трудности при систематизации накопленных эмпирических данных и отражении единого подхода в предметном понимании жизненной стратегии личности.

Чтобы избежать путаницы и не заниматься подменой понятий, вслед за К.А. Абульхановой-Славской, далее под жизненной стратегией будет подразумеваться «способность человека выработать и осознать свою устойчивую жизненную позицию, отделить существенные отношения, из которых складывается эта позиция, от случайных общений, случайных бессмысленных встреч и отношений, осознать дело своей жизни и отделить его от мелких, преходящих, формальных дел» (Абульханова-Славская, 1991, с. 140). По мнению автора, жизненная стратегия заключается в способности изменить жизненные обстоятельства и ситуации, исходя из сформированных личностью ценностей, в защите главных приоритетов собственно для себя путем умения идти на компромиссы и уступки в мелочах, а также за счет преодоления страха утраты и обретения собственного истинного «Я» (Абульханова-Славская, 1991). Иначе говоря, жизненные стратегии интегрируют в себе осознанные смысловые приоритеты личности, а комплексная система ценностных ориентаций и сформированная жизненная позиция позволяют личности эффективно трансформировать свое существование на разных этапах онтогенеза. При этом совершенно логично, что детерминантами жизненного ориентирования, способствующими конструктивному преобразованию жизненного пути, будут выступать социальные и личностные ресурсы, так как именно они, по мнению ряда авторов (Иванова и др., 2018; Овчинникова, 2022), обеспечивают эффективное взаимодействие с внешней средой и саморегуляцию поведения. Таким образом, жизненные стратегии отражают способность личности к осознанному проектированию и успешной модификации своей жизненной траектории в различные периоды времени.

Вместе с тем, учитывая, что целостная картина мира личности формируется сквозь призму выбранных ею жизненных стратегий, обеспечивающих не только процессы принятия решений в повседневности, но и глубинную интеграцию экзистенциальных смыслов, необходимо согласиться, что адаптивность таких стратегий становится ключевым фактором психологического благополучия личности в периоды кризисных испытаний и социокультурных сдвигов. Так, например, некоторые авторы (Шашмурина, 2020; Морозова, 2024) склоняются к тому, что в критических жизненных ситуациях происходит переоценка ценностей и мобилизация внутренних ресурсов личности, а жизненная стратегия претерпевает значительные изменения под воздействием травматического опыта. Соответственно, допустимо предположить, что адаптационные возможности личности в экстремальных условиях напрямую связаны с гибкостью ее жизненной стратегии и способностью интегрировать новый опыт в систему личностных смыслов. Подобная интегративность, на наш взгляд, может проявляться в уникальном сочетании различных компонентов самосознания — когнитивных, отвечающих за познание и осмысление жизненного пути; эмоциональных, связанных с переживанием и оценкой жизненных событий; и поведенческих, определяющих конкретные действия и решения человека, о чем свидетельствуют и некоторые исследования (Амбарова, 2015; Арендачук, 2017).

При этом, несмотря на многообразие теоретико-методологических подходов к изучению сущности жизненных стратегий, до сих пор остается актуальной проблема способов их оценки с учетом валидности и надежности оценивающего инструментария. Как показал сравнительный анализ методов и методик при анализе вопросов жизненной стратегии личности, имеющийся на сегодня диагностический инструментарий в психологии затрагивает лишь смежные с интегральными параметрами жизненной стратегии личности психологические конструкты. Например, Ф. Зимбардо разработал универсальный и простой метод временной перспективы, рассматриваемой им как значимый фактор, оказывающий влияние на реализацию жизненных планов и целей личности (Zimbardo, Boyd, 1999). Однако из-за концентрации внимания исключительно на временном аспекте восприятия жизни, автором упускается из виду активное проявление субъектности и зрелости личности. Вместе с тем некоторые исследователи в прошлом, изучая жизненные стратегии, часто обращались к аспектам качества жизни и удовлетворенности ею (Diener et al., 1985), но не давали полноценную оценку жизненным планам и индивидуальным сценариям будущего. Более специализированные теоретические конструкты по типу «ценностных ориентаций» (Rokeach, 1973) или «уровня притязаний» (Lewin et al., 1944), конечно, помогают зафиксировать предпочитаемые направления развития и критерии успеха, однако тоже фрагментарно рассматривают ключевую составляющую жизненной стратегии личности.

В этом свете особый исследовательский интерес представляет изучение озвученных Н.И. Шульгой интегральных параметров жизненных стратегий на примере военнослужащих, уволенных из Вооруженных сил Российской Федерации: субъектность, жизненные ценности, активность жизненной позиции, ответственность личности, жизненные цели, жизненный смысл, средства и способы достижения целей, организационные характеристики жизненной стратегии личности применительно к лицам, пережившим экстремальные ситуации, в частности, участникам военных действий (Шульга, 2025). Автор анализирует жизненные стратегии личности военного (в прошлом) в связке с проявлением жизненного пути, постановкой целей и ценностно-смысловым отношением личности бывшего военного к жизни, акцентируя внимание на том, что эффективное функционирование жизненных стратегий зависит от сохранения субъектности и активного осознания собственной роли в обществе, несмотря на пережитый травмирующий опыт.

Безусловно, в политическом и психологическом отношении партизаны и военнослужащие, уволенные из Вооруженных сил Российской Федерации, — это разные социальные группы, но с начала образования военной психологии как специальной области научного знания разные авторы (Шумков, 1905; Луков, Платонов, 1964; Еременко, 1965; Сенявская, 1999; Jones et al., 2007; Kumar, 2020) сходились во мнении, что деятельность бойца во время военных действий имеет свои качественные особенности, так как сопряжена с постоянным риском для жизни и здоровья, необходимостью убивать противника, руководствуясь высшими

целями в интересах своего народа, стремлением к собственному выживанию, что в некотором смысле «роднит» партизан и военных, в том числе и уволенных из вооруженных сил. Партизаны, как, впрочем, и иные участники военных действий, имели опыт жизни в экстремальных условиях, например, по данным отечественных авторов (Горинов и др., 2008), они пребывали в тяжелых условиях быта, испытывали голод из-за нехватки продовольствия, необходимость скрываться от врага, выживали в суровом климате, что делает способы их адаптации и психологической перестройки потенциально схожими со способами военнослужащих, уволенных из Вооруженных сил РФ.

Вместе с тем краткий теоретический анализ специальной литературы касательно партизанского движения (Андреев, 1961; Азясский и др., 2001; Литвинова, 2007) позволяет заключить, что в целом партизаны времен Великой Отечественной войны имели схожие мотивационные характеристики с военнослужащими в прошлом: общая политическая цель, единство моральных принципов, схожие модели поведения в стрессовых ситуациях, опыт одиночества и травм. Общеизвестно, что с ранних этапов развития личности у человека формируются качества, необходимые в экстремальных условиях: самоотречение, быстрота реакции, результативность, устойчивость и качество действий. В дальнейшем на этой основе выстраивается целостная система технологии ратного труда, которая интегрирует волевые (решительность, смелость, стойкость), эмоционально-регулятивные (стрессоустойчивость, самоконтроль, выдержанность) и социально-психологические (коллективизм) компоненты, проявляющиеся в активной и энергичной деятельности. Учитывая это, а также данные отечественных авторов по военной психологии (Шумков, 1905; Луков, Платонов, 1964; Еременко, 1965; Сенявская, 1999), резонно утверждать, что люди, выбирающие военную профессию в качестве дела своей жизни, так же как и те, кто был освобожден от призыва на службу в армию или мобилизации в ситуации войны, но добровольно выбирал участие в боевых действиях с целью защиты своей Родины (при возможности работать в тылу), имеют схожие индивидуально-личностные особенности, которые позволяют им реализовать себя как в боевых условиях, так и потом в мирное время после демобилизации. Таким образом, военнослужащие, уволенные в запас, эффективно строящие жизненные стратегии во временной перспективе в условиях решения боевой задачи и после демобилизации, в мирное время, равно как и участники партизанского движения, имеют особые морально-духовные и личностные качества, составляющие основную группу профессиональных качеств. Это говорит о наличии, кроме технических навыков и физической силы, как у военнослужащих, так и участников сопротивления, схожих психологических основ при формировании мировоззренческих установок, личностных конструктов и индивидуального опыта, составляющих фундамент личности, на котором выстраивается уникальная архитектура жизненного пути каждого человека.

Принимая во внимание вышесказанное, а также возможности методологического подхода Н.И. Шульги для изучения динамики процессов, происходящих

в сознании человека, подвергшегося воздействию длительного стресса, вполне допустимо экстраполировать выделенные ею интегральные параметры жизненной стратегии на участников партизанского движения, переживших экстремальные ситуации, вне зависимости от эпохи, обстоятельств и конкретного опыта участника военных действий в этой сфере, так как эти параметры касаются фундаментальных аспектов человеческого поведения и психики, формирующихся в процессе развития в онтогенезе.

Сказанное наталкивает на мысль также о возможных различиях в представленности интегральных показателей жизненной стратегии партизан с учетом специфики их возраста. Параметры жизненной стратегии в этом случае могут иметь особенности в содержательном смысле, что, вероятно, будет выражаться качественно — во взаимосвязях между переменными интегральных показателей жизненной стратегии (по Шульге).

Методы исследования

В работе был применен комплекс методов, адекватных предмету и задачам исследования. Теоретическую основу составил анализ специальной литературы. Эмпирический этап включал использование исторического и биографического методов для сбора и систематизации данных, а также контент-анализ для получения информации о специфике жизненных стратегий лиц партизанского движения. Обработка данных осуществлялась с помощью методов математической статистики, в частности F-критерия Фишера для сравнения групп и r-критерия Спирмена для установления корреляционных связей.

Посредством биографического и исторического методов были непосредственно изучены архивные материалы (наградные листы, воспоминания, личные дела, дневниковые записи участников боевых действий и т.д.), предоставленные в период с ноября 2024 г. по май 2025 г. Центром межкультурного партнерства г. Уфы[1], а также данные общедоступных электронных баз «Мемориал»[2], «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг»[3], «Партизаны Беларуси»[4], «Дорога памяти»[5] и «Фронт в тылу врага»[6] с целью анализа специфики жизненной стратегии лиц, участвовавших в военных действиях (на примере партизан

[1] Автономная некоммерческая организация по развитию общественно-культурных инициатив из Уфы «Центр межкультурного партнерства». URL: https://ano-cmp.ru/documents/ (дата обращения: 06.11.2024).

[2] Обобщенный электронный банк данных «Мемориал», созданный по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в 2007 году. URL: https://obd-memorial.ru/html/ (дата обращения: 13.11.2024).

[3] Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: https://podvignaroda.ru/ (дата обращения: 22.11.2024).

[4] Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси «Партизаны Беларуси». URL: https://partizany.by/ (дата обращения: 19.12.2025).

[5] Исторический мультимедийный комплекс «Дорога памяти», посвященный участникам Великой Отечественной войны. URL: https://1418museum.ru/ (дата обращения: 17.01.2025).

[6] Историко-просветительский портал, посвященный жителям Башкирии в рядах партизан и подпольщиков в период 1941–1945 годов. URL: https://partizany-bassr.ru/ (дата обращения: 28.01.2025).

БАССР). При изучении личных анкет партизан БАССР с целью выявления и измерения различных параметров их жизненной стратегии был также использован и метод контент-анализа данных, который позволил нам выработать количественное описание смыслового содержания в анкетных данных интегративных параметров жизненной стратегии личности партизан.

Первичная обработка личных дел проводилась следующим образом. Все архивные материалы, такие как личные дела, награды, дневники и анкеты, предварительно собирались и каталогизировались. Информация проверялась на полноту и целостность данных. Материалы сортировались по категориям: личные дела, дневниковые записи, автобиографии, воспоминания и фотографии. Каждый документ получал индивидуальный номер и аннотацию. Далее проводился семантический разбор текстов, выделение смысловых единиц, относящихся к ключевым параметрам жизненной стратегии: субъектность, жизненные ценности, активность жизненной позиции, ответственность, жизненные цели, жизненный смысл, средства и способы достижения целей, организационные характеристики жизненной стратегии. Впоследствии был разработан специальный классификатор контент-анализа, представляющий собой таблицу, в которой были зафиксированы все интегральные показатели и подкатегории жизненной стратегии для проведения контент-анализа, а также единицы анализа параметров жизненной стратегии личности. Например, показателю «Субъектность» соответствуют такие подкатегории, как «Осознание себя деятелем собственной жизни» (*учусь жить самостоятельно; не жалею о своем выборе; мам, я решила сама, это мой выбор, не жалею; взрослый человек сам решает; нашел свое призвание, это мое; мы сами решаем, что будет дальше и только мы; Никита, никто, кроме нас*), «Целеустремленность» (*Каждый день ставлю перед собой цели, стремлюсь уничтожить врага, нужно победить их и постараться жить дальше*), «Самоопределение» (*уже выбрал свой путь; я нашел себя; не вижу себя другим да и не хочу, имею твердые убеждения; уверен в себе и в том, что делаю*), «Ценностное отношение к собственному жизненному выбору» (*живу достойно; мне позор, если струшу; я сделал самый главный выбор в своей жизни; я горжусь своим выбором*), «Последовательность и систематичность в принятии решения» (*привык просчитывать риски заранее; не тороплюсь, действую последовательно, ступень за ступенью; все взвешиваю и принимаю решение; часто принимаю взвешенные решения; стараюсь придерживаться изначального курса; мысленно строю план, продумывая все потом*), «Способность к внутренней рефлексии и оценке своего опыта» (*Часто размышляю о своем опыте; извлекаю ценные уроки из прошлого; жизнь удивительна, сегодня ты в атаке, а завтра на тебя; накопил много личного опыта; через собственный опыт я понял; научился внимательно относиться к собственным мыслям*).

Для интегрального показателя жизненной стратегии «Жизненные ценности» это были следующие подкатегории: «Горячая любовь к семье и близким» (*забочусь о родителях; вы — мои самые любимые, скучаю сильно по вам; семья — это самое ценное что есть на свете, я это осознал*), «Любовь к Родине и служение ей» (*готов*

служить Отечеству; нет ничего дороже моей Родины; Родину люблю всей душой; я не могу представить своей жизни без любви к своей земле), «Безопасность» (*Хочу защитить близких, Главное — мир и спокойствие*), «Самостоятельность» (*могу полагаться только на себя, знаю цену свободе*), «Боевые товарищи, дружба» (*дружу с однополчанами, надежный тыл — друзья-партизаны, мы здесь все уже сдружились; дружба в бою познается, знайте это*), «Жизнь и осознание собственной смертности» (*иногда думаю о смерти; все мы пришли сюда не надолго; начинаешь понимать хрупкость жизни...*).

Тогда как интегральный показатель жизненной стратегии «Активность жизненной позиции» вобрал в себя следующие подкатегории: «Адаптивность, хорошая приспосабливаемость» (*легко привыкну ко всему; там, где другому трудно, я найду выход; нужно в любых условиях вжиться*), «Инициативность, активность, энергичность» (*обычно беру инициативу в руки, полон энергии и желания идти до конца*), «Выполнение своего военного долга, приказов и боевых задач» (*делаю все возможное для победы; всегда исполняю обязанности добросовестно и своевременно; любой приказ считаю святым делом; всегда выполняю приказы; приказ командира — закон; даже самый сложный приказ обязан исполняться безупречно*), «Способность к импровизации и принятию решений в боевых условиях» (*быстр в реакциях; быстро реагируешь — значит сохранишь жизнь; нахожусь в здравом уме в сложной ситуации; ситуация диктует правила игры и порой мгновенно меняешь тактику; здесь внезапность иногда спасает жизни*), «Участие в организации и координации действий» (*помогаю друзьям планировать операции, важно уметь руководить командой, руководил мелкими операциями; грамотная команда непобедима*).

Интегральный показатель жизненной стратегии «Ответственность» представлен следующими подкатегориями: «Сознательность, умение держать слово» (*держу данное слово; говорю только то, что реально могу выполнить; слово дал, значит держись его*), «Исполнительность» (*аккуратен и стараюсь выполнять поручения в срок, все хорошо; никакие трудности не остановят меня*), «Умение отвечать за свои решения и поступки» (*осознал ответственность за слова; последствия своих решений несу на своих плечах; если ошибся, признаю ошибку открыто*), «Ответственность за порученное дело» (*лишь взяв ответственность, достигнешь высот; всякое задание исполняю ответственно; как командир отвечаю головой за результат команды*), «Принятие ответственных решений» (*часто решаю серьезные вопросы, любое решение у нас — важное и серьезное, головой отвечаем, не боюсь такого; серьезные решения приносят награду, но и боль тоже; давая советы другим, стараюсь помнить, что несу ответственность за них*), «Железная воинская дисциплина» (*прислушиваюсь к командиру; дисциплина и порядок — основа всего на свете; нарушение порядка ведет к хаосу и разрухе*).

В то время как показатель «Жизненные цели» — это «Победа над врагом» (*хочется увидеть разгром немцев; ради великой победы отдаю все, что имею; главная*

цель — прогнать врага с родной земли; мечтаю уничтожить врага окончательно и тебя увидеть скорее; история покажет кто победил и почему), «Желание освободить страну от немецко-фашистской оккупации» (*нужна полная свобода моей земли; страна без рабства — лучшая возможная награда; хочу выгнать фашистов навсегда; убить немчуру*), «Выполнить поставленную боевую задачу» (*намерен завершить начатое дело; обязательно выполню задание командования*), «Сохранить жизни боевым товарищам» (*стараюсь спасти друзей; спасу всех кого смогу*), «Нанести максимально возможный урон противнику» (*стараюсь убить как можно больше врагов; будет больно каждому фрицу*).

Вместе с тем интегральный показатель жизненной стратегии «Жизненный смысл» нашел свое отражение через такие подкатегории, как «Вера в правое дело» (*несомненно верю в нашу победу, фундамент моего существования — Победа*), «Стоицизм» (*никогда не показываю страха, мое кредо — спокойно ждать финала*), «Выполнить свой долг перед Родиной» (*готова отдать душу за Родину, готов умереть за Родину*), «Принятие своей судьбы и жизненного пути» (*примирился с судьбой давно, признал свой путь достойным*).

Для интегрального же показателя жизненной стратегии «Средства и способы достижения цели» — это такие подкатегории, как «Партизанская тактика и внезапность нападения» (*атаку начинаем внезапно; специально готовлю засады*), «Использование подрывной деятельности и диверсий» (*занимаемся минированием дорог; взрываю мосты и дороги, чтобы враг не прошел*), «Разведывательная и информационная работа» (*передаю разведанные сведения, успех операций — точные сведения*), «Взаимодействие с местным населением и получение поддержки» (*местные снабжают нас едой, многие поддерживают наше сопротивление*), «Маскировка, конспирация и уход от преследования» (*умело прячемся от карателей*).

Показатель жизненной стратегии «Организационные характеристики» имеет следующие подкатегории: «Долгосрочная жизненная перспектива» (*большие планы на будущее, есть понимание завтрашнего дня*), «Осмысленное планирование послевоенной жизни» (*будем восстанавливать и поднимать хозяйство после войны*), «Структурированность жизненного пути» (*знаю точно, какой дорогой пойду дальше; шаг за шагом всего добьемся*), «Настойчивость в достижении жизненных рубежей» (*останавливаться нельзя ни на минуту; добиваюсь успеха любыми способами*), «Устойчивость к изменениям жизненных условий» (*стараюсь адекватно реагировать на перемены*), «Умение совмещать краткосрочные и долгосрочные цели» (*Вижу цель, вижу дорогу к ней*).

После чего производился подсчет частоты упоминания указанных смысловых единиц в документах. Полученные данные приводились к процентному выражению, позволяющему сравнивать частотность разных показателей.

Далее был произведен частотно-смысловой и качественный анализ, а также статистико-математическая обработка полученных данных, формулирование выводов и составление заключения по результатам исследования.

Выборка

Всего с января по май 2025 года были изучены и проанализированы 275 личных дел партизан БАССР в возрасте от 18 до 40 лет, взятых из Центра межкультурного партнерства г. Уфы, а также общедоступных электронных баз «Мемориал», «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Партизаны Беларуси», «Дорога памяти» и «Фронт в тылу врага». Далее имеющийся массив данных был структурирован в форме личных анкет партизан БАССР — участников ВОВ. Исходя из цели и гипотезы нашего исследования, на основе имеющихся данных и возраста испытуемых, все анкеты были поделены нами на две группы: ЭГ 1 — лица 18–25 лет (101 человек) и ЭГ 2 — лица 26–40 лет (115 человек).

Результаты исследования

Для выявления интегральных параметров жизненной стратегии партизан был проведен контент-анализ архивных материалов (наградные листы, воспоминания, личные дела, дневниковые записи участников боевых действий и т.д.). Категориями анализа выступали параметры модели Н.И. Шульги. Ниже в Таблице 1 представлена частота встречаемости каждой категории в двух исследуемых группах (ЭГ 1, ЭГ 2), выраженная в процентах от общего числа смысловых единиц в каждой группе.

Таблица 1

Представленность интегральных параметров жизненной стратегии у партизан БАССР в ЭГ 1 и ЭГ 2 в процентном соотношении

Интегральный параметр жизненной стратегии личности партизан	ЭГ 1, %	ЭГ 2, %
Субъектность	6,93	4,31
Жизненные ценности	68,28	30,44
Активность жизненной позиции	9,9	12,18
Ответственность	5,64	2,61
Жизненные цели	22,77	22,61
Жизненный смысл	8,91	6,09
Средства и способы достижения целей	32,67	13,92
Организационные характеристики жизненной стратегии	9,9	13,91

Table 1

Representation of integral parameters of life strategy among partisans of the BASSR in experimental group 1 and experimental group 2 (percentage)

Integral parameter of the personality's life strategy	Experimental group 1, %	Experimental group 2, %
Subjectivity	6.93	4.31
Life values	68.28	30.44

Activity of a life position	9.9	12.18
Responsibility	5.64	2.61
Life goals	22.77	22.61
Life meaning	8.91	6.09
Means and ways of achieving goals	32.67	13.92
Organizational characteristics of a life strategy	9.9	13.91

Как видно из Таблицы 1, партизаны в зависимости от своего возраста имеют некоторые различия в представленности основных интегральных параметров своей жизненной стратегии, но в большинстве своем численно совпадают по представленности параметров жизненной стратегии. Полученные результаты были подвергнуты статистическому анализу данных с применением F-критерия Фишера (Таблица 2).

Таблица 2

Представленность интегральных параметров жизненной стратегии и их подкатегорий у партизан БАССР в ЭГ 1 и ЭГ 2 в процентном соотношении

Интегральные параметры жизненной стратегии	**Абсолютное число (представленность параметра в возрастной группе 18–25 лет)**	**Процентный показатель представленности параметра в возрастной группе 18–25 лет, %**	**Абсолютное число (представленность параметра в возрастной группе 26–40 лет)**	**Процентный показатель представленности параметра в возрастной группе 26–40 лет, %**	**Значения φ-критерия Фишера**
Субъектность	7	6,93	5	4,31	φ = 0,143, при p > 0,05
Жизненные ценности	69	68,28	35	30,44	φ = **0,457**, при p < 0,001
Активность жизненной позиции	10	9,9	14	12,18	φ = 0,086, при p > 0,05
Ответственность	6	5,64	3	2,61	φ = 0,175, при p > 0,05
Жизненные цели	23	22,77	26	22,61	φ = 0,013, при p > 0,05
Жизненный смысл	9	8,91	7	6,09	φ = 0,105, при p > 0,05
Средства и способы достижения целей	33	32,67	16	13,92	φ = **0,335**, при p < 0,001
Организационные характеристики жизненной стратегии	10	9,9	16	13,91	φ* = 0,151, при p > 0,05

Table 2

Representation of integral parameters of life strategy and their subcategories among the partisans of the Bashkir ASSR in EG 1 and EG 2 (percentage)

Integral parameters of life strategy	Absolute number (representation of the parameter in the age group of 18–25 years)	Percentage representation of the parameter in the age group of 18–25 years, %	Absolute number (representation of the parameter in the age group of 26–40 years)	Percentage representation of the parameter in the age group of 26-40 years, %	Fisher's φ-test values
Subjectivity	7	6.93	5	4.31	φ = 0.143, p > 0.05
Life values	69	68.28	35	30.44	φ = **0.457**, p < 0.001
Activity of a life position	10	9.9	14	12.18	φ = 0.086, p > 0.05
Responsibility	6	5.64	3	2.61	φ = 0.175, p > 0.05
Life goals	23	22.77	26	22.61	φ = 0.013, p > 0.05
Life meaning	9	8.91	7	6.09	φ = 0.105, p > 0.05
Means and ways of achieving goals	33	32.67	16	13.92	φ = **0.335**, p < 0.001
Organizational characteristics of a life strategy	10	9.9	16	13.91	φ* = 0.151, p > 0.05

По данным Таблицы 2 видно, что статистически значимые различия наблюдаются лишь относительно показателей интегральных параметров «Жизненные ценности» и «Средства и способы достижения целей» ($p < 0{,}001$), то есть их доля заметно варьируется между партизанами 18–25 лет и 26–40 лет. Данное расхождение можно попробовать объяснить возрастными особенностями респондентов, учитывая возрастную периодизацию Б.Г. Ананьева (Ананьев, 1957). Так, первая группа бойцов относится к ранней взрослости, а вторая группа входит в возрастные границы средней взрослости. Ранняя взрослость характеризуется активным формированием личностных ориентиров и жизненных приоритетов. На этапе ранней взрослости критерии успешности человека складываются из сравнения себя с другими, а в более зрелом возрасте самооценка в большей мере ориентирована на внутренние эталоны. Поэтому в период военных действий, исходя из возрастных особенностей лиц старшей возрастной группы, можно предположить, что им присущи, в отличие от младшей группы, осмысление и переоценка жизни, то есть человек корректирует сложившуюся систему ценностей в трех сферах: личной, семейной и профессиональной, также их от младшей группы отличает уверенность в возможности осуществить жизненный выбор — это связано с необходимостью самостоятельно принимать важные решения «исходя из ситуации» в условиях боя. У участников партизанского движения в возрастной группе 18–25 лет средства и способы достижения целей имеют свои отличия от более

старшей группы: они стремятся к достижению целей практической направленности, используя все доступные средства, преследуя при этом конкретную выгоду от результатов боевой деятельности сегодня и сейчас, так как ориентируются на ближайшую временную перспективу, а отдаленная перспектива не представлена в конкретных событиях, но описана как открытое будущее. В отличие от них, у респондентов старшей группы самооценка в большей мере ориентирована на внутренние эталоны, мотивация нацелена также на результат, но бойцы данной группы более четко понимали свои цели, представляли свое будущее во временной перспективе, поэтому могли подбирать средства достижения целей, соотнося их с жизненными приоритетами.

Вместе с тем в результате проведенного корреляционного анализа были выделены значимые связи, демонстрирующие внутреннюю согласованность интегральных параметров жизненной стратегии личности (Таблицы 3, 4).

Таблица 3

Данные корреляционного анализа интегральных параметров жизненной стратегии партизан с применением r-критерия Спирмена в ЭГ 1

Подкатегории интегральных параметров жизненной стратегии		Значение коэффициента r-критерия Спирмена	Уровень значимости
Подкатегория «Осознание себя деятелем своей жизни» параметра «Субъектность»	Подкатегория «Участие в организации и координации действий» параметра «Активная жизненная позиция»	0,70	$p < 0,01$
Подкатегория «Вера в правое дело» параметра «Жизненный смысл»	Подкатегория «Целеустремленность» параметра «Субъектность»	0,70	$p < 0,01$
	Подкатегория «Последовательность и систематичность» параметра «Субъектность»	0,57	$p < 0,01$
Подкатегория «Ответственность за порученное дело» параметра «Ответственность»	Подкатегория «Выполнить поставленную боевую задачу» параметра «Жизненные цели»	0,43	$p < 0,05$
	Подкатегория «Жизнь / осознание собственной смертности» параметра «Жизненные ценности»	0,40	$p < 0,05$

Table 3

Data of the correlation analysis of integral parameters of the partisans' life strategy using the Spearman r-test in experimental group 1

Subcategories of the integral parameters of a life strategy		Value of the Spearman r-test coefficient	Significance level
Subcategory "Self-awareness as an actor in one's own life" of the "Subjectivity" parameter	Subcategory "Participation in the organization and coordination of actions" of the "Active life position" parameter	0.70	$p < 0.01$

The "Faith in a Just Cause" subcategory of the "Life Purpose" parameter	Subcategory "Purposefulness" of the "Subjectivity" parameter	0.70	$p < 0.01$
	Subcategory "Consistency and systematicity" of the "Subjectivity" parameter	0.57	$p < 0.01$
Subcategory "Responsibility for the assigned task" of the "Responsibility" parameter	Subcategory "Perform the assigned combat mission" of the "Life goals" parameter	0.43	$p < 0.05$
	Subcategory "Life / awareness of one's own mortality" of the "Life values" parameter	0.40	$p < 0.05$

Таблица 4

Данные корреляционного анализа подкатегорий интегральных параметров жизненной стратегии партизан с применением r-критерия Спирмена в ЭГ 2

Подкатегории интегральных параметров жизненной стратегии		**Значение коэффициента r-критерия Спирмена**	**Уровень значимости**
Подкатегория «Целеустремленность» параметра «Субъектность»	Подкатегория «Последовательность и систематичность в профессиональной деятельности» параметра «Субъектность»	0,49	$p < 0,05$
Подкатегория «Горячая любовь к семье, близким, к Родине» параметра «Жизненные ценности»	Подкатегория «Способность к внутренней рефлексии и оценке своего опыта» параметра «Субъектность»	0,57	$p < 0,01$
	Подкатегория «Структурированность жизненного пути» параметра «Организационные характеристики»	0,57	$p < 0,01$
Подкатегория «Сохранение жизни боевым товарищам» параметра «Жизненные цели»	Подкатегория «Стоицизм» параметра «Жизненный смысл»	0,48	$p < 0,05$

Table 4

Data of the correlation analysis for the subcategories of the integral parameters of the partisans' life strategy using the Spearman r-test in experimental group 2

Subcategories of integral parameters of a life strategy		**Value of the Spearman r-test coefficient**	**Significance level**
Subcategory "Purposefulness" of the "Subjectivity" parameter	Subcategory "Consistency and systematicity in professional activity" of the "Subjectivity" parameter	0.49	$p < 0.05$
Subcategory "Passionate Love for Family, Friends, and Homeland" of the "Life Values" parameter	Subcategory "Ability to internal reflection and evaluation of their experience" of the "Subjectivity" parameter	0.57	$p < 0.01$
	Subcategory "Structuredness of the life path" of the "Organizational characteristics" parameter	0.57	$p < 0.01$
Subcategory "Preserving the Lives of Comrades-in-Arms" of the "Life Goals" parameter	Subcategory "Stoicism" of the "Life meaning" parameter	0.48	$p < 0.05$

Как видно из данных корреляционного анализа (Таблицы 3, 4), обнаружены устойчивые корреляционные пары, подтверждающие, что у всех бойцов показатели интегральных параметров жизненной стратегии личности связаны между собой. Вне зависимости от возраста, партизаны демонстрируют зрелые, целостные жизненные стратегии. При этом у юных бойцов преобладают активность, целеустремленность и вера в смысл своих действий, у старших — устойчивые ценности, ответственность и организованность. Отличия носят качественный характер и отражают в содержательном плане разную внутреннюю структуру жизненных стратегий при общем моральном и смысловом единстве. Сказанное объясняется возрастными особенностями бойцов, относящихся к группам ранней и средней взрослости: жизненные стратегии связаны с разными этапами жизненного пути.

Обсуждение результатов

Целью данного исследования стало выявление психологических особенностей жизненной стратегии лиц, участвовавших в военных действиях (на примере жизнедеятельности партизан в период ВОВ).

Частотно-смысловой анализ данных проявил смысловые компоненты жизненной стратегии, которые наиболее ярко выражены у партизан обеих возрастных групп. Примечательно, что большинство интегральных показателей жизненных стратегий демонстрируют возрастную инвариантность, что подтверждает и статистический анализ данных: отсутствуют достоверные межгрупповые различия по таким интегральным параметрам жизненной стратегии, как «Субъектность», «Ответственность», «Организационные характеристики», «Жизненные цели», «Жизненный смысл» и «Активность жизненной позиции» ($p > 0,05$). Перечисленные переменные сохраняют равнозначную представленность в структуре жизненных стратегий, что говорит о высокой степени внутренней организованности и мотивационной зрелости партизан вне зависимости от их возраста. Однако иначе обстоит дело с такими категориями жизненной стратегии, как «Жизненные ценности» и «Средства, способы достижения целей»: было обнаружено статистически значимое различие в их представленности среди участников партизанского движения с учетом их возрастной специфики ($p < 0,05$): с повышением возраста участники переосмысливают свои жизненные ценности, отдавая предпочтение более устойчивым, долгосрочным целям или изменяя свое восприятие благополучия и успеха. При этом молодые партизаны в большей степени склонны к риску, тогда как старшие товарищи полагаются на более традиционные и проверенные временем методы достижения цели. Что, вероятно, обуславливается более богатым жизненным опытом, который влияет на их ценности и подходы к решению задачи, стоящей перед ними. Частичные различия могут также объясняться и тем, что молодежь чаще выражала стремление к свободе, возвращению домой и самоопределению, в то время как старшее поколение больше акцентировало внимание на чувстве долга, стойкости и вере в победу. Таким образом, структура жизненных стратегий партизан едина по своей основе, но варьируется в содержательном плане в зависимости от возраста. Полученные результаты согласуются

с теоретическими положениями возрастной психологии о трансформации ценностно-смысловой сферы и инструментальных аспектов поведения в процессе жизненного пути личности.

Вместе с тем обнаруженные устойчивые корреляционные связи между различными показателями, входящими в структуру интегральных параметров жизненной стратегии, свидетельствуют о том, что участникам партизанского движения 18–25 лет, из числа тех, кто осознает себя активными субъектами собственной жизни, чаще было свойственно проявлять инициативу, брать ответственность за организацию своих действий и оказывать влияние на происходящее вокруг них. Иначе говоря, их внутреннее ощущение контроля над своей судьбой усиливало готовность к практическому участию в боевых действиях. При этом внутреннее стремление молодых бойцов к поставленным перед ними целям оказалось тесно связано с убежденностью в значимости своей борьбы. Таким образом, стратегическая направленность личности молодых партизан подкреплялась идеологическим или ценностным основанием — они верили, что их действия имеют большое значение для общего дела. Стоит отметить, что молодые партизаны, склонные к упорядоченным и стабильным действиям, одновременно демонстрировали глубокое убеждение в справедливости своей миссии. Устойчивость в действиях сопровождалась ценностной уверенностью и целостностью взглядов, что придавало стабильность их жизненной стратегии.

Не менее интересные результаты были обнаружены и касательно проявления ответственности за порученное дело в связке с жизненной целью «выполнить поставленную боевую задачу»: те бойцы из молодых партизан, кто ощущал личную ответственность за порученное дело, в то же время были мотивированы конкретной и практической задачей — они стремились достичь поставленной боевой цели и видели в этом смысл своей активности. При этом имеющаяся положительная корреляция между подкатегорией «Ответственность за порученное дело» и такой жизненной ценностью, как «Жизнь / осознание собственной смертности», говорит о том, что личная ответственность у молодых партизан неразрывно была связана с осознанием ценности жизни и пониманием смертельного риска, на который они шли. Психологически это подчеркивает зрелость юных участников партизанского движения: принимая на себя ответственность, они ясно осознавали возможные последствия и придавали жизни высокую ценность.

Таким образом, жизненные стратегии молодых бойцов формировались на пересечении осознанной субъектности, ответственности, активной позиции и ценностной направленности, что указывает на внутреннюю целостность и зрелость жизненных установок, несмотря на юный возраст партизан, и в некотором смысле проливает свет на то, как идеологические и ценностные компоненты объединились в устойчивую стратегию поведения в условиях войны. Молодые партизаны не просто пассивно следовали за принятыми правилами, а активно участвовали в формировании и утверждении собственных подходов к действию. Они оценивали сложившуюся обстановку, пытались предвидеть последствия своих

действий и принимаемых решений, что требовало ясного видения цели и готовности нести ответственность за свои поступки. Идеология и ценности, лежащие в основе их поведения, были не просто формальными концепциями, а действительными ориентирами, которые определяли каждое их движение. Такое объединение личных убеждений и идеалов с практическими действиями создавало основу для повышения уровня сотрудничества и взаимодействия между участниками движения. В борьбе, где каждое решение могло иметь жизненно важные последствия, эта ценностно-ориентированная стратегия не только поддерживала моральный дух, но и формировала единое эффективное сообщество. Сохраняя активную позицию и осознанное отношение к происходящему, молодые бойцы демонстрировали удивительную жизнестойкость и способность адаптироваться к постоянно меняющимся условиям конфликта. Их зрелость проявлялась в умении балансировать между личными ценностями и коллективной целью, что укрепляло их устойчивость перед лицом испытаний и невзгод. Следовательно, жизненные стратегии молодых партизан эффективно интегрировали в себе индивидуальные и коллективные амбиции и идеалы, создавая многомерную и адаптивную модель поведения, которая способствовала не только выживанию, но и успешному сопротивлению в условиях войны. Сказанное подчеркивает, насколько важными могут быть внутренние убеждения и активная субъективность в формировании коллективного успеха в экстремальных условиях.

Иная жизненная стратегия наблюдается среди партизан 26–40 лет, где наиболее значимы оказались дисциплина, ответственность и ценностно-смысловые ориентиры. Нацеленность на достижение цели у этих людей сопряжена с умением планомерно и систематически воплощать задуманное в реальных делах. В условиях партизанской войны такая взаимосвязь вполне закономерна: четкое следование цели требовало дисциплины и последовательности, что помогало партизанам эффективно реализовывать свои замыслы и стратегические планы. При этом бойцы из числа данной возрастной группы, кто оказался склонен глубоко анализировать свои поступки и переживания, одновременно испытывали особо сильную привязанность к родным и отчизне. Вероятно, умение осмысливать свой опыт позволяло им яснее понимать, ради чего они рискуют жизнью — ради защиты близких и Родины, усиливая тем самым их эмоциональную связь с этими ценностями. В жизненной стратегии этих партизан такое сочетание рефлексии и патриотизма выглядело естественно: размышляя о пережитом, они еще больше проникались любовью к семье и Отчизне, что подкрепляло их решимость продолжать борьбу.

Вместе с тем среди партизан более старшего возраста стремление уберечь товарищей по оружию оказалось сопряжено с выраженным стоическим отношением к жизни. Проще говоря, те, для кого особенно важно спасение боевых друзей, проявляли больше выдержки, хладнокровия и умения смотреть вперед. В условиях партизанской борьбы такое сочетание не случайно, на наш взгляд: желание защитить жизни соратников требует от человека быть предельно стойким, не поддаваться панике и сохранять работоспособность даже под давлением — то

есть воплощать стоицизм на практике. Подобная комбинация цели и личностного смысла помогала партизанам оставаться надежной опорой друг для друга в самые тяжелые моменты.

Не менее интересным является и то, что партизаны более старшего возраста демонстрировали целеустремленность и дисциплинированность в делах, склонность к саморефлексии и глубокой привязанности к близким и Родине, а альтруизм и стоическое мироощущение взаимно усиливали друг друга в их жизненной стратегии.

Подводя итоги сказанному выше, можно заключить, что как среди молодых партизан (18–25 лет), так и среди их старших товарищей (26–40 лет) жизненные стратегии формировались как взаимосвязанные и осмысленные структуры. У юных партизан более ярко выражена связь между активной позицией, целеполаганием и ощущением смысла жизни, что говорит о мотивации действовать и вере в значимость своей роли. У их старших боевых товарищей акцент делается больше на устойчивых ценностях, ответственности и системном подходе к действиям, что отражает зрелость и глубину их стратегического выбора. Таким образом, различия носят не количественный, а качественный характер: обе группы проявляют зрелость своих стратегий жизни, но структурно с разным содержанием.

Выводы

Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне личностной зрелости участников партизанского движения, несмотря на их юный возраст в значительной части добровольцев, расширяют существующие представления о возрастной детерминации жизненных стратегий и открывают перспективы для дальнейшего изучения психологических механизмов их формирования в контексте военных конфликтов, что имеет не только теоретическое значение, но и практическую ценность для разработки дифференцированных программ психологического сопровождения личности в военный и поствоенный период.

Установлено наличие сформированной способности ответственно планировать собственную деятельность и принимать решения в условиях повышенной опасности и неопределенности. Ответственность перед членами группы обусловливала необходимость «зрелых» решений и рациональных подходов к выполнению заданий, способствуя развитию дисциплины в коллективе и повышению уровня самосознания каждого участника партизанского движения.

Еще одной важной особенностью является высокий уровень активности и инициативности, проявляемый партизанами, что выражалось в готовности идти на рискованные шаги и брать инициативу на себя при выполнении боевых задач, склонности самостоятельно принимать решения в критической для жизни ситуации.

При анализе структурирования жизненной стратегии партизан выявлено присутствие глубоких смысловых и ценностных ориентиров. У большинства респондентов отмечается отчетливая осознанность собственных целей и убежденность в идеалах свободы и социальной справедливости. Выраженность ценностей

коллективизма, патриотизма и гуманизма оказывает позитивное воздействие на принятие важных решений и поддерживает морально-нравственное состояние в течение длительного времени. Данные ориентации способствуют усилению внутренней мотивации и придают дополнительную осмысленность происходящим событиям даже в тяжелых условиях.

Полученные результаты показывают высокую степень устойчивости испытуемых к воздействию стрессоров экстремального характера. Используемые ими адаптивные стратегии включают механизмы совладания с негативными ситуациями и позволяют поддерживать стабильность эмоционального состояния и продуктивность их деятельности даже в крайне неблагоприятных условиях среды. Подобные внутренние ресурсы личности помогают минимизировать негативные эффекты воздействия стресса и сохраняют чувство уверенности, спокойствия в кризисных ситуациях

Практическое применение

Результаты работы имеют практическую значимость в двух ключевых направлениях.

В сфере военной психологии и адаптации результаты могут быть использованы для разработки реалистичных тренажеров и программ психологической подготовки, моделирующих экстремальные условия, а также для совершенствования систем реабилитации ветеранов боевых действий.

В области патриотического воспитания и образования исследование предоставляет историко-психологическую основу для формирования ценностных ориентиров молодежи. Для повышения эффективности воспитательной работы целесообразно интегрировать в образовательные программы цифровые форматы — такие как VR-реконструкции исторических событий, геймифицированные платформы и методы социального театра, что способствует развитию эмпатии и осознанному усвоению исторического опыта.

Список литературы

Абульханова-Славская, К.А. (1991). Стратегия жизни. Москва: Изд-во «Мысль».

Азясский, Н.Ф., Долгий, М.С., Князьков, А.С., Пережогин, В.А., Чернов, Ю.И. (2001). Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Москва: Изд-во «Кучково поле».

Альперович, В.Д. (2024). Жизненные сценарии и биографические нарративы: сравнительный анализ концептуальных моделей. *Социальная психология и общество, 15*(1), 39–56. https://doi.org/10.17759/sps.2024150103

Амбарова, П.А. (2015). Жизненные и поведенческие стратегии в зеркале общностного подхода. Сб. трудов XVIII Межд. науч.-практич. конф. памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (19–20 марта 2015 г.). (С. 620–630). Екатеринбург: Изд-во УрФУ.

Ананьев, Б.Г. (1957). О системе возрастной психологии. *Вопросы психологии,* (5), 156–170.

Андреев, В.А. (1961). Народная война. Ленинград: Изд-во «Лениздат».

Арендачук, И.В. (2017). Структурно-функциональный подход к процессу формирования самосознания личности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития, 6*(2), 110–118.

Горинов, М.М., Моруков, М.Ю., Рыжова, И.В. (2008). Партизаны в битве за Москву. 1941–1942. Москва: Изд-во Главархива Москвы; Изд-во «Патриот».

Дружинин, В.Д. (2010). Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Еременко, А.И. (1965). В начале войны. Москва: Изд-во «Наука».

Иванова, Т.Ю., Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н., Рассказова, Е.И., Кошелева, Н.В. (2018). Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности. *Организационная психология, 8*(1), 85–121.

Литвинова, О.Н. (2007). Органы НКВД в формировании и развитии партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради: Научный журнал,* (49), 90–93.

Луков, Г.Д., Платонов, К.К. (1964). Психология. Москва: Изд-во «Воениздат».

Морозова, О.В. (2024). Влияние психотравмы на жизненную перспективу личности. *Актуальные исследования,* (10), 77–80.

Москвичева, Н.Л., Реан, А.А., Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Зиновьева, Е.В. (2019). Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями. *Психологическая наука и образование, 24*(3), 5–18. https://doi.org/10.17759/pse.2019240301

Овчинникова, М.Б. (2022). Психологические ресурсы совладающего поведения руководителей среднего звена. Могилев: Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова.

Рикель, А.М., Дорохов, Е.А. (2023). Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 46*(3), 143–165. https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31

Сенявская, Е.С. (1999). Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: Изд-во «Российская политическая энциклопедия».

Шашмурина, Ю.Ф. (2020). Влияние психотравмы на жизненную перспективу личности. *Молодой ученый,* (10), 217–220.

Штайнер, К. (2025). Сценарии жизни людей. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Шульга, Н.И. (2025). Социально-психологические факторы построения жизненных стратегий военнослужащих, уволенных из вооруженных сил Российской Федерации: дисс. канд. психол. наук. Москва.

Шумков, Г.Е. (1905). Психика бойцов во время сражений. Санкт-Петербург: б/и.

Allport, G.W. (1961). Pattern and Growth in Personality. Washington: Holt, Rinehart and Winston Publ.

Brivio, F., Vigano, A., Paterna, A., Palena, N., Greco, A. (2023). Narrative Review and Analysis of the Use of "Lifestyle" in Health Psychology. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, *20*(5), 1–18.

Cockerham, W.C., Wolfe, J.D., Bauldry, S. (2020). Health Lifestyles in Late Middle Age. *Research on Aging*, *42*(1), 34–46. https://doi.org/10.1177/0164027519884760

Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, *49*, 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

Gibson, G.W., Greenwood, R.A., Murphy, E.F. (2009). Generational Differences in the Workplace: Personal Values, Behaviors, And Popular Beliefs. *Journal of Diversity Management*, *4*(3), 1–8.

Jones, E., Fear, N.T, Wessely, S. (2007). Shell Shock and Mild Traumatic Brain Injury: A Historical Review. *The American Journal of Psychiatry*, *164*(11), 1641–1645. https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.07071180

Kumar, U. (2020). The Routledge International Handbook of Military Psychology and Mental Health. Abingdon: Routledge Publ.

Levasseur, L., Shipp, A.J., Fried, Y., Rousseau, D.M., Zimbardo, P.G. (2020). New perspectives on time perspective and temporal focus. *Journal of Organizational Behavior*, *41*(3), 235–243. https://doi.org/10.1002/job.2435

Lewin, K., Dembo, T., Festinger, L, Sears, P.S. (1944). Level of aspiration. In: J.M. Hunt, (ed.). Personality and the behavior disorders. (pp. 333–378). New York: Ronald Press.

Rokeach, M. (1973). The Nature of Human Values. New York: Free Press.

Schutz, H.G., Baird, P.C., Hawkes, G.R. (1979). Lifestyles and Consumer Behavior of Older Americans. New York: Praeger Publ.

Stolarski, M., Fieulaine, N., Zimbardo, P.G. (2018). Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. *The SAGE Handbook of Personality and Individual Differences*, (1), 592–625.

Zimbardo, P.G., Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual differences metric, *Journal of Personality and Social Psychology, 77*(6), 1271–1288.

References

Abul'khanova-Slavskaya, K.A. (1991). Strategy of Life. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Allport, G.W. (1961). Pattern and Growth in Personality. Washington: Holt, Rinehart and Winston Publ.

Al'perovich, V.D. (2024). Life Scenarios and Biographical Narratives: A Comparative Analysis of Conceptual Models. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, *15*(1), 39–56. (In Russ.)

Ambarova, P.A. (2015). Life and Behavioral Strategies through the Lens of the Community Approach. In: Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference in Memory of Professor L.N. Kogan «Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience» (March 19–20, 2015). (pp. 620–630). Yekaterinburg: UrFU Publ. (In Russ.).

Anan'ev, B.G. (1957). About the age psychology system. *Voprosy psikhologii*, (5), 156–170. (In Russ.)

Andreev, V.A. (1961). The People's War. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russ.)

Arendachuk, I.V. (2017). Structural-Functional Approach to the Process of Forming Self-Consciousness in Individuals. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya = News of Saratov University. New Series. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, *6*(2), 110–118. (In Russ.)

Azyasskii, N.F., Dolgii, M.S., Knyaz'kov, A.S., Perezhogin, V.A., Chernov, Yu.I. (2001). Partisan Movement (Based on the Experience of the Great Patriotic War of 1941–1945). Moscow: Kuchkovo Pole Publ. (In Russ.)

Brivio, F., Viganò, A., Paterna, A., Palena, N., Greco, A. (2023). Narrative Review and Analysis of the Use of "Lifestyle" in Health Psychology. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, *20*(5), 1–18.

Cockerham, W.C., Wolfe, J.D., Bauldry, S. (2020). Health Lifestyles in Late Middle Age. *Research on Aging*, *42*(1), 34–46. https://doi.org/10.1177/0164027519884760

Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, *49*, 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

Druzhinin, V.D. (2010). Variants of Life. Essays on Existential Psychology. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Eremenko, A.I. (1965). At the Beginning of the War. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Gibson, G.W., Greenwood, R.A., Murphy, E.F. (2009). Generational Differences in the Workplace: Personal Values, Behaviors, And Popular Beliefs. *Journal of Diversity Management*, *4*(3), 1–8.

Gorinov, M.M., Morukov, M.Yu., Ryzhova, I.V. (2008). Partisans in the Battle for Moscow. 1941–1942. Moscow: Moscow City Archives; Patriot Publs. (In Russ.)

Ivanova, T.Yu., Leont'ev, D.A., Osin, E.N., Rasskazova, E.I., Kosheleva, N.V. (2018). Current Issues in the Study of Personal Resources in Professional Activities. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology, 8*(1), 85–121. (In Russ.)

Jones, E., Fear, N.T, Wessely, S. (2007). Shell Shock and Mild Traumatic Brain Injury: A Historical Review. *The American Journal of Psychiatry*, *164*(11), 1641–1645. https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.07071180

Kumar, U. (2020). The Routledge International Handbook of Military Psychology and Mental Health. Abingdon: Routledge Publ.

Levasseur, L., Shipp, A.J., Fried, Y., Rousseau, D.M., Zimbardo, P.G. (2020). New perspectives on time perspective and temporal focus. *Journal of Organizational Behavior*, *41*(3), 235–243. https://doi.org/10.1002/job.2435

Lewin, K., Dembo, T., Festinger, L, Sears, P.S. (1944). Level of aspiration. In: J.M. Hunt, (ed.). Personality and the behavior disorders. (pp. 333–378). New York: Ronald Press.

Litvinova, O.N. (2007). The NKVD in the formation and development of the partisan movement in the Bryansk region during the Great Patriotic War. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena: Aspirantskie tetradi: Nauchnyi zhurnal = Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen: Postgraduate Notes: Scientific Journal,* (49), 90–93. (In Russ.)

Lukov, G.D., Platonov, K.K. (1964). Psychology. Moscow: Voenizdat Publ. (In Russ.)

Morozova, O.V. (2024). The Impact of Psychotrauma on the Life Perspective of Individuals. *Aktual'nye issledovaniya = Current Research*, (10), 77–80. (In Russ.)

Moskvicheva, N.L., Rean, A.A., Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinov'eva, E.V. (2019). Life Models of Young People: Concepts of Future Family and Models Transmitted by Parents. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education, 24*(3), 5–18. (In Russ.)

Ovchinnikova, M.B. (2022). Psychological Resources for Coping Behavior in Middle Management. Mogilev: A.A. Kuleshov Mogilev State University Press. (In Russ.)

Rikel, A.M., Dorokhov, Y.A. (2023). Analysing generation in social psychology: research or reject? *Lomonosov Psychology Journal, 46*(3), 143–165. (In Russ.). https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31

Rokeach, M. (1973). The Nature of Human Values. New York: Free Press.

Schutz, H.G., Baird, P.C., Hawkes, G.R. (1979). Lifestyles and Consumer Behavior of Older Americans. New York: Praeger Publ.

Senyavskaya, E.S. (1999). The Psychology of War in the 20th Century: Russia's Historical Experience. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (In Russ.)

Shashmurina, Yu.F. (2020). The Impact of Psychotrauma on the Life Perspective of Individuals. *Molodoi uchenyi = Young Scientist,* (10), 217–220. (In Russ.)

Shtainer, K. (2025). Life Scenarios of People. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Shul'ga, N.I. (2025). Socio-Psychological Factors in Building Life Strategies for Military Personnel Discharged from the Armed Forces of the Russian Federation. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)

Shumkov, G.E. (1905). The psyche of fighters during battles. Saint Petersburg: no publisher. (In Russ.)

Stolarski, M., Fieulaine, N., Zimbardo, P.G. (2018). Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. *The SAGE Handbook of Personality and Individual Differences*, (1), 592–625.

Zimbardo, P.G., Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual differences metric, *Journal of Personality and Social Psychology, 77*(6), 1271–1288.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Фасхутовна Нурмухаметова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии высшей школы философии, психологии и социологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Российская Федерация, if44@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-2029-618X

ABOUT THE AUTHOR

Irina F. Nurmukhametova, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Department of General Psychology, Higher School of Psychology and Pedagogy, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, if44@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-2029-618X

Поступила 08.09.2025. Получена после доработки 06.10.2025. Принята в печать 11.10.2025.
Received 08.09.2025. Revised 06.10.2025. Accepted 11.10.2025.